

Е.П. Сизёнов

Колпино в год Большого террора

Три четверти века отделяют нас от 1937 года — года Большого террора. Каким был этот год для города Колпино, крупного промышленного пригорода, в 1936 г. получившего статус района Ленинграда. Население Колпина составляло около 38 тысяч человек, и почти каждая семья была связана с Ижорским заводом, в то время крупным заводом военно-промышленного комплекса.

С конца 1920-х гг. в стране шла ускоренная индустриализация. Реконструировался и значительно расширялся Ижорский завод, осваивалась новая продукция. У завода были не только достижения, но и многочисленные проблемы. Их обострение было предопределено самим политическим курсом и экономической системой того времени.

Решались проблемы путём чисток, проработок, кампаний «критики и самокритики». Упущения в работе рассматривались, как правило, с политических позиций, объявлялись вредительством, саботажем. Над всеми, особенно над руководителями и техническими специалистами завода, довлел страх наказания. Виновных «разоблачали», снимали с работы, а в 1937 г. всё чаще стали отдавать под суд.

С сентября 1935 г. разворачивалось стахановское движение. Имевшее характер кампанейщины, оно многочисленных проблем завода не решило. Увеличение индивидуальной выработки отдельных рабочих из-за плохой организации взаимодействия подразделений не приводило к соответствующему увеличению производительности завода в целом. Показной характер, который приобрела кампания по переходу на стахановские методы, борьба за рекорды ради рекордов приводили к отрицательным последствиям для про-

изводственного процесса. Чтобы освоить новые, стахановские нормы, приходилось отступать от чертежей, нарушать технологический процесс. Это приводило к росту брака, а перевыполнение плана на изношенном оборудовании — к выходу его из строя. Технический персонал не приветствовал стахановские методы труда. В результате многие инженеры были арестованы. Весьма частое обвинение тех лет — зажим и саботаж стахановского движения.

Один за другим меняются директора Ижорского завода. Судьба некоторых сложилась трагически. Был расстрелян снятый в 1936 г. А.В. Белов. Сменивший его по переводу с Кировского завода К.М. Отс проработал в должности директора менее года. Он был арестован и расстрелян.

После убийства Кирова 1 декабря 1934 г. в парторганизациях Ленинграде и Ленобласти прошла кампания чистки. Как заявил в 1936 г. секретарь парткома Ижорского завода И.И. Соловьёв, «процент исключённых из партии при проверке партдокументов очень большой».

Газета «Ижорец» писала о засевших в заводеуправлении врагах народа, о не расчищенных до конца гнёздах вредителей и даже об отсутствии коммунистов в ряде ключевых служб (бухгалтерия, планово-экономический отдел).

За призывами «шире разворачивать критику и самокритику» зачастую стояли требования разоблачать врагов народа. В такой атмосфере даже правильная критика по существу, направленная на выявление и преодоление действительных недостатков, приобретала свойство доноса, т.к. всегда могла для НКВД стать основанием для ареста. Яркий пример — конфликт директора А.В. Белов с группой молодых металлургов во главе с А.С. Завьяловым. По сути, они были правы, вскрыв низкое качество ижорской брони. Их уволили, но они получили поддержку А.А. Жданова, после чего было созвано заседание Совета труда и обороны с участием Сталина. На нём были приняты необходимые решения. Основания для снятия с работы А.В. Белова были. Но вслед за этим тогда последовали репрессии в отношении ряда специалистов.

Атмосфера в обществе была пропитана шпиономанией и доносительством. В цехах завода и на собраниях домохозяйек проводились политдни на соответствующие темы, устраивались коллективные слушания доклада А.Я. Вышинского «О некоторых методах вражеской работы». Каждый «большой» московский процесс над врагами народа сопровождался проведением митингов, призывами

к бдительности, принятием заявлений и новых повышенных трудовых обязательств.

Происки иностранных разведок и вредительство «врагов народа» тогда виделись во всех проблемах завода. Такой подход задавался всей системой партийного руководства. Весьма характерен анализ проблем Ижорского завода в выступлении секретаря горкома А.А. Кузнецова на совещании ИТР в октябре 1938 г.: «На заводе до сих пор не только не ликвидируются последствия вредительства, но вредительство продолжается. В системе безответственности, расшатанной трудовой дисциплины враги народа продолжают творить свои гнусные дела... Вредители занижали производственные возможности завода, разрушали оборудование, старались сорвать технологию... В заводе происходят аварии, однако ни одна из них не квалифицирована политически». К тому времени масштаб репрессий действительно значительно сократился, но психологическая готовность к ним сохранилась, поскольку в эффективности других методов партийное руководство, по-видимому, сомневалось. Поэтому завод работать лучше не стал, что и вызвало недовольство Кузнецова (в 1949 г. он сам станет жертвой репрессий).

В 1937–1938 гг. кампаниями по выявлению «врагов народа» были охвачены все колпинские предприятия и организации. Например, комсомол. Как писал «Ижорец», в районной организации ВЛКСМ «долгое время орудовали враги народа». Райком был обвинён в притуплении большевистской бдительности. Что вменялось в вину комсомольцам? «Бывшая комсомолка, педагог 4-й школы Евдокимова при разоблачении троцкиста Иоансона, ведшего школу к развалу, встала на его защиту. Молодой специалист, инженер термического цеха К.И. Иванов (сейчас исключённый из комсомола) неоднократно на собраниях молодёжи выступал с антипартийными взглядами о перерождении комсомола».

Были репрессированы многие профсоюзные активисты Ижорского завода, 12 оркестрантов заводского оркестра народных инструментов.

1937 — год изучения Конституции и первых выборов в Верховный Совет СССР, и вся агитационная кампания сопровождалась выявлением «врагов народа». По выборке, сделанной на основе памятных книг общества «Мемориал», и из других источников, нам известно о 306 репрессированных в период с 1936 по 1938 г. 229 приходится на 1937 г., 65 — на 1938-й, 12 — на 1936-й. Всё первое полугодие 1937 г. аресты носили единичный характер. Массовыми

они стали с июля — 21 арест. Пик — в августе и сентябре 1937 г.: соответственно 57 и 51 арест, в октябре — 37.

В январе 1938 г. в свете решения очередного Пленума ЦК ВКП(б) начало приходить понимание, что не обошлось без перегибов. Секретарь райкома М. Кудрявцев в статье «Исправить допущенные ошибки» писал, что парторганизация района, проделав большую работу по очищению партийных рядов, допустила ряд серьёзных ошибок. Отмечался легкомысленный подход к исключению из партии, бездушное отношение парторганизаций к судьбе отдельных коммунистов. Ряд неправильных решений об исключении из партии был отменён. Значительно сократилось число арестов.

Но в феврале 1938 г. — новый всплеск: 22 ареста, а связан он главным образом с «делом немцев» (12 человек). Как, например, звучало обвинение в адрес одного из них — Мартына Риттера, рабочего Ижорского завода, жителя Второй немецкой колонии? С 1933 г. являлся участником контрреволюционной германской шпионской и диверсионной организации на Ижорском заводе. В 1936 г. в цехе лично вывел из строя путём поломки два токарных и труборезных станка. Проводил среди немцев-колонистов и рабочих Ижорского завода контрреволюционную националистическую и террористическую пропаганду, призывал к убийству руководителей советского правительства. Приговор — расстрел, как и всем остальным.

Из 306 арестованных по ст. 58 УК РСФСР колпинцев и рабочих завода расстрелян был 291 человек. Практически все — на Левашовской пустоши. Кроме того, были те, кого направили в лагеря, некоторых из них расстреляли уже там. Очень немногие (известно четыре фамилии) были освобождены до суда.

Проведём анализ репрессированных по ряду основных анкетных данных.

По месту работы. 75% работало на Ижорском заводе, 3% — на железной дороге. Есть и служащие других учреждений.

По социально-профессиональному статусу. Рабочих — 44%, ИТР и руководителей нижнего звена — 35%, руководителей среднего звена — 5%, младшего обслуживающего персонала — 8%, служителей культа — 3%.

В числе репрессированных — начальники цехов и инженеры Ижорского завода, рабочие разных специальностей. И это когда перед заводом стояли сложнейшие задачи, а он испытывал дефицит в технических специалистах и рабочих кадрах!

В числе служителей культа — весь причт церкви Святителя Николая на кладбище, настоятель Свято-Троицкого собора Сергей Брудинский, члены общины евангельских христиан.

Представляет интерес национальный состав. Доля русских среди репрессированных составила 40%. Поляки — 20%, белорусы — 13%, немцы — 9%, латыши — 6%, эстонцы — 4%, финны — 3%. Отметим, что в Колпине с XIX в. было польское землячество, недалеко от Колпина находились немецкие колонии и финские деревни, жители которых работали на Ижорском заводе. Но доля представителей национальных меньшинств, особенно поляков и белорусов, среди репрессированных значительно превышает их удельный вес в численности населения и в трудовых ресурсах Колпина. Заметим и то, что наиболее пострадали представители тех наций, государства которых СССР в своей военной доктрине рассматривал в качестве потенциальных врагов. Напомню, что Латвия и Эстония до 1940 г. были самостоятельными государствами. Но столь высокая доля белорусов для колпинских краеведов остаётся необъяснимой.

По партийности. 81% — беспартийные, 11% были членами или кандидатами в члены ВКП(б), либо были исключены из партии в период, предшествующий аресту, ещё 3% — бывшие члены ВКП(б), исключенные в ходе партийных чисток двадцатых — начала тридцатых годов, 3% — бывшие эсеры. Итак, абсолютное большинство репрессированных — беспартийные. Это опровергает распространённую в последнее время точку зрения, что репрессии 1937–1938 гг. коснулись главным образом партийных и государственных руководителей. В Колпине треть репрессий приходится на долю беспартийных рабочих Ижорского завода и почти четверть — на долю беспартийных ИТР.

Конечно, не только репрессиями запомнился 1937 год колпинцам. Но атмосферой страха было пронизано всё. Страх в обществе нагнетался всей государственной политикой, он нашёл отражение во всех значимых событиях 1937 г. Было ощущение нахождения в осаждённой крепости, внутри которой также орудуют враги. Сама работа на крупном заводе военно-промышленного комплекса развивала мобилизационное сознание и психологию вражды, в т.ч. в отношении коллег.

А что за пределами завода? Были закрыты Свято-Троицкий собор и польский костёл. Открыт роддом, но нельзя не вспомнить, что сама необходимость в ускоренном строительстве столь нужного

учреждения была вызвана запретом аборт в СССР в 1936 г. Развивался спорт, но в первую очередь его военно-прикладные виды. Развивалась физкультура, но в первую очередь в связи с нормами ГТО и ГСО (Готов к санитарной обороне). Проводится принудительная подписка на «Займ обороны СССР». Развивалась культурная жизнь, но и здесь преобладала вполне определённая направленность. Проводились встречи с героями (лётчиками, папанинцами), но их основной задачей было поддержание мобилизационной готовности людей. А надпись-посвящение на памятнике рабочим-красногвардейцам, установленном 6 ноября 1937 г., утверждала: «Никогда не умрёт память о Вас в Советском народе, никогда не погаснет наша ненависть к врагам народа».

Большой террор и все пронизывающий страх стали главным содержанием 1937 года. И в стране, и в Колпине.